

Михаил Арцыбашев

Миллионы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
А88

А88 **Арцыбашев М.**
Миллионы / Михаил Арцыбашев – М.: Книга по Требованию, 2012. – 84 с.

ISBN 978-5-4241-2660-4

Широкая, более того - скандальная известность Михаила Петровича Арцыбашева (1878 - 1927) начались с публикации его романа "Санин" (1907). Многие критики восприняли роман как пропаганду аморализма. Нынешний читатель убедится, что эти претензии вряд ли справедливы. Ярко и психологически убедительно писатель рисует образы молодых людей той поры, их настроения и нравы.

ISBN 978-5-4241-2660-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Михаил Арцыбашев
Миллионы

*Она не покупается золотом и не
приобретается она на вес серебра.
Иов, XV*

I

Между темным небом и морем, как дымка, стоял ровный свет луны, кругло и ясно вставшей над горизонтом. На деревьях сада, точно рой откуда-то налетевших огненных колибри, качались и прыгали на невидимых проволоках маленькие разноцветные фонарики. С нелепо освещенной эстрады, где черный паяц-капельмейстер, потешно взмахивая руками и фалдочками, порывался куда-то взлететь, разлетались во все стороны отчеканенные скрипичные звуки, взвизгивали, смеялись и пели, легкими узорными хороводами вылетая из-под темных деревьев на открытый, замороженный лунным светом морской берег. Там танцевали они перед лицом светлой луны, как легкие эльфы, незримые и таинственные в своей призрачной минутной жизни.

Скрестив мощные руки на холодном мраморе столика, Мижув молча и угрюмо посматривал по сторонам.

Когда он взглядывал на эстраду, все казалось ему суетливо мелким и бестолково шумным, а когда поворачивался в сторону моря, становилось величаво спокойно, задумчиво свободно, как сама высокая светлая луна.

Крутая русая борода его и массивные плечи возбуждали представление о страшной силе и твердой воле, но глаза Мижуева были нездоровые, углубленные, какие бывают у обреченных на смерть.

За соседним столиком кутила компания господ в белых шляпах, ухарски проломленных на боку, и нарядных дам, с резко красивыми лицами и неестественными, подрисованными глазами. Все они громко смеялись, чокались узенькими, как стрекозы, рюмочками, и не переставая острили, при каждой остроте повышая голоса и оглядываясь на Мижуева, причем и у мужчин, и у женщин было мелькающее, выжидательно ищущее выражение. А неподалеку, склонившись вперед, точно нежа под мышками свои белые салфетки, стояли лакеи и не спускали глаз с Мижуева, как будто собирались по первому его знаку бежать и стремглав бросаться в море.

Мижув и видел все, и не замечал. Когда-то это забавляло его, но теперь было только докучно и так привычно, как воздух, от которого не уйдешь и уходить не надо.

— Теодор, отчего ты такой скучный сегодня? — спрашивала его Мария Сергеевна, робко дотрагиваясь пальчиком до крутого локтя.

На ней было вызывающее красивое платье, чуть-чуть открывающее ноги, а на темных пышных волосах качались нежно-розовые цветы шляпы, грустно гармониовавшие с ее поддурманенными щеками, печально мерцающими глазами и страстно окрашенными губами.

Мижув медленно, как больной вол, повернул к ней свою упрямую голову и промолчал.

Она была так же возбуждающе красива, как и прежде, и так же сквозь черное кружево светилось ее необыкновенно выхоленное тело. При взгляде на нее у всякого мужчины рождалось острое и требовательное представление о каких-то невозможных сказочных наслаждениях. Но то, что она утратила свое прежнее имя — Марии Сергеевны — и стала называться Мэри, и то, что перестала называть его Федей и вы, а стала звать Теодором и ты, и то, что она бросила любимо-

го мужа и стала жить с Мижуевым, убило в нем бывшую еще так недавно благоговейную страсть и возбуждало по временам холодную необъяснимую злобу.

Даже тогда, когда, возбужденный ее голым покорным телом, уже робко просящим ласки, Мижуев целовал и мял ее со звериной жестокостью, он уже не чувствовал былой радости, а испытывал только плоское жестокое удовольствие, придумывая неестественные положения, делая больно и унижительно.

Казалось, что он мстил ей за что-то, и видно было, что сам страдал какой-то невысказываемой мукой.

И Мария Сергеевна понимала, отчего это, и потому у нее стали печальны и робки глаза, как будто не смевшие молить о пощаде.

— Пойдем, — коротко сказал Мижуев, поймав остро любопытные взгляды в их сторону, и встал.

Она тотчас же торопливо поднялась и пошла с ним рядом, по всегдашней своей милой неловкости, которая когда-то до слез умиляла Мижуева, путаясь в кружевах юбки, теряя то платок, то сумочку и забавно пугаясь этого.

Они вышли на берег, где властвовали темное море да светлая луна, и на самом конце мостков сели на скамью.

Впереди и с боков, со всех сторон было море, и блестящая вода бурно крутила лунный столб. Какая-то бесконечная мелодия-шум, плеск и глухие удары о мол, — среди которой все время что-то звенело тоненьким хрустальным и слышным, и как будто неслышным голоском, непрестанно тянулась над безбрежным движущимся простором и трогала таинственные грустные струны, будя воспоминания и безотчетное отчаяние в самой глубине души. Порой налетал упругий ветер, и тогда невидимые брызги, заставляя вздрагивать, покрывали лицо и руки мелкой холодной пылью.

Мижуев смотрел на лунный столб, крутящийся в металлически темной воде, и молчал. Как всегда, когда он ночью смотрел в глубину, какое-то тоскливое чувство чуть-чуть шевелилось в нем. Было оно еле заметно и трудно уловимо, но за ним вдруг забывалось все, что окружало его. И становилось пусто и темно.

— Я хотела поговорить с тобою, Теодор, — заговорила Мария Сергеевна, и с первого слова было слышно, что она боится, как бы он не рассердился, даже не выслушав ее.

Мижуев молчал, и казалось, что он не слышал ее слабого голоса за шумом и плеском прокатившейся под мостками волны. Далеко, пока видно было при луне, легла вдоль берега белая полоса пены и растаяла, как снег, а за ней уже надвигалась, бурля и вырастая, новая волна.

Мария Сергеевна полными никому не видных слез глазами посмотрела на Мижуева и, судорожно рванув платок, встала.

— Это невыносимо! — сдавленным слабым голосом сказала она, чувствуя, что вся дрожит и от унижения, и от холодного ветра. — За что ты меня мучаешь?

Мижуев упорно, не глядя на нее, пожал широкими плечами...

Мария Сергеевна замолчала, продолжая рвать свой платок и дрожа всем телом, казавшимся удивительно слабым и изящным на фоне огромного волнующегося простора.

— Я не могу больше... — заговорила она быстро, все возвышая голос. — Ты не имеешь права презирать меня!.. Не имеешь права мучить и унижать!.. Если я и не устояла перед твоими миллионами, как ты говоришь...

— Я этого никогда не говорил! — угрюмо возразил Мижуев, упрямо глядя в лунный столб, сверкающий в волнах миллиардами прыгающих голубых звезд и сливающийся на горизонте в таинственное светлое, резко отрезанное от темного неба сказочное царство.

Опять Мария Сергеевна внезапно замолчала, сбита и раздавленная мучительным недоумением. Все существо ее знало, что он постоянно говорил это, а между тем память не могла подсказать ни одного похожего слова. И она только чувствовала, что погибает в холодном, пустом и неотвратимом, где она — такая слабая и беспомощная, что — даже не знает, что сказать, как защищаться и против чего.

— Но ты так думаешь... я знаю... А если это даже и так, то ведь... Ты сам хотел этого... Ну, пусть, пусть! — схватившись обеими руками за виски, с отчаянием заговорила Мария Сергеевна. — Но какую цену я заплатила за эти миллионы! Они у меня душу отняли... я научилась презирать себя, как последнюю тварь... и что-нибудь одно: или... Как хочешь, но я не могу больше, не могу. Я...

Она опять потеряла слова и только отчаянным, бессильным взглядом оглянулась на темную страшную воду. Руки ее шевелились, и губы дрожали.

— Если ты сама презираешь себя, как последнюю тварь, то как же мне относиться к тебе? — вдруг неожиданно спросил Мижуев, не спуская блестящих глаз с воды.

— А! — потерянно вскрикнула Мария Сергеевна и, упустив сумочку и платок, которые сейчас же снесло в море, закрыла лицо руками и быстро пошла прочь, почти побежала, путаясь в длинном, подхваченном ветром платье. Тоненькая женская фигура неверно заколыхалась в пустом ветреном пространстве, над темной, неустанно катящейся на берег водой.

Мижуев проводил глазами маленький белый кусочек материи, который высоко поднялся над гребнем вспененной волны и вдруг сразу исчез во мраке упавшей холодной бездны.

Что-то теплое шевельнулось у него в душе, и, не выражая его словами даже самому себе, Мижуев встал и быстро догнал Марию Сергеевну.

Маленькие покатые плечи ее были сжаты и над ними смутно белел тонкий наклон бледной от лунного света шеи. Услышав его шаги, она сейчас же остановилась, но не подняла головы и стояла по-прежнему, закрыв лицо руками и опустив большую светлую шляпу. Такая маленькая, изящная и жалкая до слез.

— Ну, полно, Мэ... руся... — путая ее прежнее и теперешнее имена, с мгновенно выросшей жгуче-жалостливой лаской, сказал Мижуев и обнял ее за плечи. — Прости меня... Я не хотел тебя обидеть!

Он ждал, что она капризно оттолкнет его, вырвет руки, станет чужой и холодной, и страшно боялся этого. Ему показалось, что тогда он станет совсем одиноким. Но она только прижалась головой к его груди и робко подняла лицо навстречу его губам, беспокойно и вопросительно глядя большими от лунного света и слез глазами. И в мокрых глазах, и в уголках страдальчески улыбающихся губ Мижуев увидел покорное, обрадованно прощающее выражение, какое бывает у побитых и потом приласканных маленьких зверьков и детей.

И мгновенное чувство приятной ему самому теплоты и жалости исчезло, как не бывшее, оставив холодок досады и нарастающего раздражения. Он холодно

поцеловал ее в теплые и влажные губы и, слегка отстраняясь, сказал:

— Не капризничай, пожалуйста... Это скучно, наконец... Чего ты хочешь... не понимаю!..

Он помолчал, упрямо глядя в сторону, и прибавил:

— Пора домой!

Как бы желая сказать: прости... может быть, я и не права, не знаю... мне показалось, что меня не любишь и презираешь, а это так невыносимо... она растерянно улынулась и заторопилась. Они пошли рядом молча. Белая холодная луна и непрерывно шумящее море остались позади, а навстречу уже летел рой танцующих звуков. И что-то по-прежнему стояло между ними.

Когда они ехали домой, Мижув ногою ощущал прикосновения ее упругого тела, ускользающего за сухой жесткой материей, видел тонкий, точно нарисованный бледными красками профиль женской головы, понурившейся в какой-то непосильной думе, и спрашивал себя:

— Что же встало между ними — человеком, который столько лет молился на нее, боясь даже думать о ее наготы и ласках, и милой, прекрасной женщиной, которая так любила своего тихого мужа, так просто, точно старшая сестра, относилась к нему самому, и казалась такой целомудренно чистой, несмотря на то, что была замужем.

II

В ярком солнце золотились берега, и даже море, пенисто-зеленое у набережной и синее, почти лиловое, вдали, казалось, покрыто золотистым блеском. Солнцем и небом дышали дальние горы, и загородные дачи белели по их зеленым скатам, точно разбросанные в траве игрушки.

Яркая курортная толпа, как ручей, огибая полукруглый сквер, двигалась по набережной и текла так изменчиво-пестро, что нельзя было уследить, откуда идут все эти светлые платья, шляпы, ноги, плечи и лица с оживленными глазами. Казалось, что толпа сама увеличивается и растет, точно быстро разрастающаяся гряда живых цветов. Пестрый говор, смех и шорох ярко сплетались над нею и с шумом набегающих на камни волн, быстрым гулом экипажей и четким стуком копыт сливались в одну разноцветную нарядную музыку.

Мария Сергеевна и Мижуев в легкой ялтинской коляске прокатили по набережной, и белый газ, развевающийся на шляпе Марии Сергеевны, быстро замелькал среди лошадиных голов, чинных кучеров и разбегающейся вереницы зонтиков и шляп.

У магазина, за зеркальными стеклами которого, словно нездешние птицы и цветы, пестрели причудливые женские шляпы, коляска мгновенно остановилась, как будто с размаху уткнувшись в невидимое упругое препятствие. Мария Сергеевна, легкая и быстрая, точно ее сдуло ветром, перелетела с подножки экипажа прямо в темную прохладную дверь магазина.

Мижуев тяжело, не глядя по сторонам, сошел на тротуар и поднялся за ней.

Услужливо картавя, шаркая подошвами и улыбаясь ожившими лицами, со всех сторон набежали на Марию Сергеевну приказчики и продавщицы. И одну минуту казалось, что это—кучка приветливых, веселых людей, радостно окружавших давножданную, милую подругу. Перевороченные каким-то вихрем, мгновенно раскрылись десятки картонов, и синие, красные, пестрые ленты пересыпали кучу белых шляп, как цветы на снегу.

Только что вышли простенькие матерчатые шляпки «бэбэ» — милая простота веселящейся роскоши — и Марии Сергеевне непременно захотелось купить такую же. Ей казалось, что в этой простенькой шляпке она будет похожа на шаловливую грациозную девочку. — Продавщицы преувеличенно щебетали, приказчики картавили, чтобы походить на французов, в раскрытые двери магазина врывались гудящие звуки и солнечные краски, а Мария Сергеевна, как ребенок, радуясь игре цветов и фасонов, блестела глазами, отказывалась, колебалась, смеялась и все время была в движении, то рассматривая себя во весь рост в большом, то изгибаясь всем телом, чтобы увидеть свой профиль в маленьком зеркале. И в каждой новой шляпке, и с синей, и с красной, и с пестрой лентой на черных волосах ее матово-розовое личико казалось все лучше и моложе.

А Мижуев, отделяясь от шумливой кучки, черным пятном неподвижно сидел возле прилавка и, поставив перед собой палку, грузно сложил на ней массивные руки. Он смотрел сонно, как невыспавшийся больной человек, которому уже не видно и не слышно ни солнца, ни смеха, ни женской красоты — ничего, кроме того медленного и молчаливо-зловещего, что неуклонно и неотступно, шаг за шагом, разрушает жизнь внутри его.

По временам он останавливал свои тяжелые глаза на хорошеньком возбужденном личике Марии Сергеевны и сейчас же отводил их, упираясь неподвижным взглядом в первый попавшийся предмет, в угол прилавка, в пустую картонку, лаковый ботинок приказчика или худые лопатки продавщицы, наивно торчащие из-под кокетливой шелковой кофточки.

— Теодор, посмотри, — я возьму эту... Эта мне, кажется, идет?.. Или лучше эту?.. Как ты думаешь, посоветуй? — спрашивала Мария Сергеевна, и легкое беспокойство мелькало у нее в голосе и глазах. Ей было легко и весело; вчерашняя безобразная сцена кончилась страстным примирением и уже почти улетела из памяти, спугнутая сознанием своей прелести, солнцем, шумом и бросанием денег, к которому Мария Сергеевна до сих пор еще не могла привыкнуть. Мрачный вид Мижуева темнил ее радость и смутно пугал, напоминая, что поцелуи и сладострастные ласки только отодвинули, но не решили и не уничтожили того, что уже вошло в их жизнь.

«Неужели это не конец, и опять будут эти невыносимые, безобразные сцены, после которых не хочется жить?..» — где-то в самой краешке боязливой мысли мелькало у нее.

— Так какую?.. Посоветуй! — спрашивала она, и в голосе ее звучала странная нотка тайной мольбы, точно она просила его о пощаде.

— Возьми все... — думая о другом, равнодушно ответил Мижуев.

Она засмеялась, и все приказчики и продавщицы восхищенно улынулись. Кто-то даже заржал от восторга перед этой выходкой миллионера.

Мижуев мрачно окинул взглядом смеющиеся лица и нахмурился. Все стали серьезны, и Мижуев, поймав это мгновенное угодливое превращение лиц, насытился еще больше. Дикое желание, так часто приходившее ему в голову, поднялось в нем: захотелось крикнуть на них, толкнуть кого-нибудь ногой, ударить...

«А!.. Вам нравится все, что я ни скажу?.. Хоро-шо-о...» — загорелись у него в мозгу бешеные слова, но он промолчал, уныло и беспомощно опустив глаза.

— Нет, что ж ты так!.. Ты посоветуй! — кокетливо приставала Мария Сергеевна, и Мижуев почувствовал, что пристаёт она уже только затем, чтобы никто не заметил того, что с паническим страхом она угадывала в нем.

Тогда стало жаль ее, и это согрело Мижуева. Только еще унылее и бессильнее стало в душе.

— Возьми ту, что с синей лентой... Она больше всего идет тебе, грустно сказал он.

— Разве! — радостно улыбнулась ему Мария Сергеевна.

Она подняла обе руки к голове, и изогнувшаяся спина ее под белой кофточкой вдруг обнаружилась, как голая, мягкая и выпуклая. Тот приказчик, у которого были лаковые ботинки на пуговицах, скользнул по ней робко-похотливым взглядом и вдруг встретился глазами с Мижуевым. Мгновенно он завял, личико его померкло и покрылось жалкой маской угодливости и страха.

«Гад!» — подумал Мижуев, с внезапно вспыхнувшим брезгливым гневом, и тяжело уперся ему в лицо неподвижными глазами.

Приказчик весь съежился и стал как-то тоньше и меньше. Мижуев смотрел, а тот не смел отвести взгляда. Почти целую минуту продолжалась эта странная, жестокая игра, доставлявшая Мижуеву болезненное наслаждение. Видно было, как задрожала коленка приказчика, обтянутая узкими брючками.

«А, впрочем, что ж... — с прежней унылой тоской подумал Мижуев. — Если бы я был приказчиком, а он миллионером, и эта, и другие такие же принадлежали бы ему, а я смотрел бы на них исподтишка, как раб!..» Мижуев отвел глаза. Ему стало противно все: и эта пресмыкающаяся перед ним дрянь, и он сам, похожий на какого-то божка, и эта женщина, вчера оскорбленная грубым словом и готовая броситься в воду, а сегодня опять увлеченная до самозабвения убогой забавой бросания денег.

— Ты скоро?.. Идем... — сказал он, поднимаясь.

— Я готова уже. Я выбрала! — заторопилась Мария Сергеевна. — Вы пришлите эту... нет, нет, вот ту... с голубой! — бросала она, беспокойно оглядываясь на Мижуева, черной массой стоявшего в освещенных дверях.

— Пойдем, посидим в сквере, — сказала она, когда вышли на солнце и со всех сторон охватил их теплый чистый воздух и веселый шум.

— Хорошо, — безразлично согласился Мижуев.

Они уже перешли улицу, лавируя между экипажами, когда кто-то громко окликнул Мижуева.

— Федор Иванович! Подождите!

У тротуара остановился красный, весь блестящий, точно вымытый автомобиль, и из-за трех дам, похожих на букет кружев и цветов, высовывался и махал палевой перчаткой сияющий белоснежный господин.

— Теодор!.. Тебя зовут... Пархоменко... — тронула Мижуева за рукав Мария Сергеевна и за него улыбнулась, кивая головой белоснежному господину.

Пархоменко выскочил из Откинутого кресла и дробно подбежал к Марии Сергеевне, своей белой, пробитой кулаком шляпой высоко отмахнув в воздухе.

— Мария Сергеевна, прелестная!.. А я вас искал по всему городу! кричал он.

— Разве?

Изогнутая ручка Марии Сергеевны кокетливо прижалась к его губам. Она засмеялась. Дамы в автомобиле кивали ей шляпами, сияющий Пархоменко хохотал, загораживая всем дорогу, автомобиль сверкал, все оглядывались на них. Казалось, что весь город, солнце, горы и цветы засветились, засверкали и засмеялись только для них. Чахоточный поп, еле протащивший мимо свою рясу, позеленевшую, словно от тоски, посмотрел большими блестящими глазами и тоскливо стушевался, точно растаял в блеске и веселье толпы.

В это время прошли мимо молодой человек и какие-то дамы, и молодой человек поспешно, точно боясь пропустить что-то животрепещущее, забормотал своим дамам, показывая одними глазами:

— Это Мижуев и Пархоменко — московские миллионеры!..

— Где Мижуев? Который? — любопытно обернулись дамы.

— Тот, что с дамой... Большой... — куда-то весь порываясь, показывал молодой человек, и три пары возбужденно-любопытных женских глаз уставились на Мижуева.

Мижуев слегка отвернулся, но Пархоменко сияюще оглядел дам и сказал:

— А нас тут уже все знают, Федор Иванович... —

— Позвольте пройти, — сказал кто-то, и в надтреснутом голосе Мижуев узнал острую ненависть. Он оглянулся и увидел беловолосого бледного человека в синей рубашке под плохоньким пиджаком. Светлые и, очевидно, добрые его глаза смотрели на Пархоменко с какой-то кроткой злобой.